

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ГРНТИ 23

ISSN 2219-8822

РЖ реферативный журнал

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

2020 **2**

СЕРИЯ **9**

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА**

ВЛАСТЬ

2020.02.009. УБИРИА Г. СОВЕТСКОЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. СОЗДАНИЕ КАЗАХСКОЙ И УЗБЕКСКОЙ НАЦИЙ.

UBIRIA G. Soviet nation-building in central Asia. The making of the Kazakh and Uzbek nations. – New York; London: Routledge, 2016. – 272 p.

Ключевые слова: казахи; узбеки; национальная комиссия; размежевание; этнос; нация; национальность; племя; клан.

Григол Убириа, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Австралийского национального университета, предпринимает попытку обосновать, что казахская и узбекская нации являются искусственными конструктами советских политиков 1920–1930-х годов.

С момента своего образования и Казахское ханство, и другие орды представляли собой тип многоуровневых племенных конфедераций, политическое единство которых во многом зависело от наличия либо могущественного хана, либо общей угрозы безопасности. В формировании такого политического союза, в котором различные казахские племена и кланы считали бы себя единым народом, не было необходимости (с. 37). На протяжении всей истории Центральной Азии, да и любого другого региона мира, племена из разных этнических групп часто объединялись против общего врага, но это не делало их единым народом (этносом) ни тогда, ни в будущем. Что касается попыток нескольких могущественных казахских ханов взять орды под свой контроль, то это объясняется вовсе не патриотической идеологией объединения казахских кочевников под одной политической крышей, а скорее их политическими стремлениями расширить свою власть и влияние в регионе. Когда это было возможно, могущественные казахские ханы пытались доминировать над казахскими племенами и племенами из других племенных конфедераций в Центральной Азии, таких как енисейские киргизы и каракалпаки (с. 37).

Попытки казахской историографии представить кочевые племена, составляющие казахские орды как одну этническую группу или нацию являются преднамеренным искажением исто-

рии. Нет достаточных доказательств того, что во время проникновения русских в казахскую степь в XVIII–XIX вв. значительное число казахских племен и родов воспринимали себя как один народ (с. 37).

Говоря о сходстве в диалектах, на которых говорили представители различных казахских племен, автор утверждает, что языковое единство нисколько не означает единства этнического, так как они никогда не предполагали единства, основанного на языковой общности (с. 38). К тому же диалекты, на которых говорили казахские племена, не так сильно отличались от диалектов других кочевников, например, каракалпаков. Даже традиция передачи племенных генеалогических сведений («шежире») ничем не подтверждается, и проверить их истинность не представляется возможным. Шежире передавались из поколения в поколение благодаря представителям аристократии и только в их среде. При этом автор ошибочно полагает, что рядовое население не имело никакого понятия о дальних родственных связях, что позволило ему усомниться и в подлинности шежире, и полагать, что «многие из них могли быть изобретены или периодически изменялись, например, в соответствии с возникающими интересами конкретного племенного руководства», а сегментированность крупных казахских политических союзов не позволяла их лидерам осуществлять свою власть среди подданных (с. 38).

Начиная с XVI в. способность казахских племен сохранять непрерывный контроль над определенным пространством в степях, а следовательно, иметь большой опыт эколого-политического сотрудничества (например, в регулировании пастбищных миграционных путей) и сосуществования в одной политико-географической зоне, постепенно привела к развитию ряда общих социокультурных черт. Эти общие черты в конечном счете сделали их в социально-культурном плане относительно более похожими друг на друга, чем на другие кочевые народы Центральной Азии. Однако это сравнительное социокультурное сходство казахских племен в первую очередь проистекало не из их этнокультурного единства, а из геокультурного каркаса, частью которого они были с XVI–XVII вв. Эти общие социокультурные особенности, существовавшие у различных казахских племен, впоследствии стали основой

для классификации многих из них российскими этнографами и статистиками XIX – начала XX в. как одной этнической группы.

Что касается термина «узбек», то он был в значительной степени условным, имеющим разные значения, употребляемые в разных контекстах. К XIX в. он преимущественно использовался как один из многих терминов, обозначающих определенные группы тюркских народов, проживающих в Мавераннахре (с. 40). Наличие большого количества людей-билингвов среди населения Мавераннахра и географическое несоответствие ареала проживания многих из них (если учесть, что в качестве родного языка определялся лишь один из тюркских диалектов или таджикский язык), а также наличие патрон-клиентских отношений между представителями разных условно-этнических групп (к примеру, множество людей, называвших себя узбеками и проживавших в Бухаре, занимали более высокое положение по сравнению с таджиками) сильно затрудняли процесс идентификации населения по этническому принципу. Автор ссылается на российского этнолога С. Абашина, утверждающего, что «эти люди не могут быть отнесены к одному культурному или языковому типу – к тому, что мы сейчас называем этнической группой. Культурные или лингвистические отличительные черты были не постоянными, а текучими, и человек мог легко переходить из одной категории в другую» (с. 40). Принадлежность к сартам, узбекам или таджикам для оседлого населения не имела какого-то особого значения. Местное население не использовало их в качестве этнонима поскольку до прихода царской России в регион само понятие «этничность» не было знакомо местному населению. Общины, говорящие на одних и тех же языках, разделяющие общую культуру и имеющие общую историю (например, из-за проживания в одном и том же географическом районе в течение длительного периода времени (100 лет и более), не обязательно объединяются в группы по этническому признаку, так как необходимо, чтобы эти общие черты были мобилизованы, активизированы, проработаны и подчеркнуты в рамках коллективной этнической идентичности.

Для жителей Мавераннахра надэтническая принадлежность (т.е. отношение к исламской умме) и субэтническая принадлежность (к которым относятся племя, клан, род или регион) действительно были важны (с. 41). Например, когда местного жителя про-

сили назвать себя, уроженец Бухары обычно отвечал, что он бухарец, а вовсе не узбек или таджик. Но если представитель другой религиозной общины попросит того же уроженца Бухары назвать себя, то, наверняка, тот ответит, что он мусульманин, при этом не упоминая каких-либо деталей, которые бы позволили отнести его к какой-либо этнической или национальной группе.

В качестве другого весьма важного аргумента, подтверждающего отсутствие этнической составляющей в самосознании коренного населения Центральной Азии, явилась первая всеобщая перепись населения в царской России в 1897 г. Царское правительство стремилось формально классифицировать все население империи по этническим признакам, для установления более эффективного управления подданными огромной империи (с. 56). В силу того, что ранее этническая либо национальная идентификация не были известны коренному населению, организаторы переписи расспрашивали участников опроса не об их этнической принадлежности, а об их родном языке, который брался за основу в определении национальности либо этноса опрашиваемых. В то же время царские статистики осознавали то, что язык не может в точности быть идентификатором этничности, поэтому помимо языка задавались вопросы о религии местных жителей и т.д. Однако несогласованность статистиков в ведении переписи и подходах к определению того либо иного этноса, (которые сопровождалась большим количеством ошибок), в значительной степени затруднили эту работу. Так, например, одни царские статистики выделили кайсакирғизов и кара-киргизов в отдельные этнолингвистические общества, в то время как их коллеги при рассмотрении вышеуказанных категорий населения отнесли их к одной общей категории киргизов. Царская перепись признала существование сартской этнолингвистической общности в отличие от узбекской и таджикской, хотя, фактически, сартского языка не существовало (с. 56).

Поскольку ключевой аргумент этой книги основан на утверждении, что современные казахские и узбекские народы являются искусственными конструктами советских националистов 1920–1930-х годов, то вопрос национально-территориальной делимитации советской Центральной Азии заслуживает особого внимания. Национально-территориальное размежевание Центральной Азии в 1920–1930-е годы относится к кремлевскому проекту, на-

правленному на создание территориально четко определенных национальных единиц для признанных государством титульных национальных групп в регионе. До начала процесса национально-территориальной делимитации в 1924 г. советское правительство направило в Центральную Азию несколько научных экспедиций для изучения этно-демографической и социально-экономической структуры региона. В трудах советских ученых также подчеркивалось, что территориальная комиссия ЦИК РКП (б), которая отвечала за определение границ проектируемых советских республик в регионе, состояла из ряда специализированных подкомиссий (политических, экономических, статистических и национальных), укомплектованных советскими чиновниками из представителей коренных народов.

Бывший Туркестанский край стал первой политической единицей в Центральной Азии, которая была формально организована как автономная единица – Туркестанская Советская Республика (ТССР) – в составе РСФСР в апреле 1918 г. Создание ТССР укладывалось в давно отстаиваемый большевиками принцип территориальной автономии. А именно, ТССР не была связана с какой-либо конкретной титульной этнической группой, а представляла собой конкретную экономико-географическую единицу с многонациональным населением. Однако в 1919 г., с резким изменением политики большевиков по принятию этно-федеральной системы для Советской России, также возникла необходимость пересмотреть принципы территориального устройства ТССР. 15 января 1920 г. Туркестанская комиссия приняла постановление, предлагающее административную перегруппировку Туркестана в соответствии с этнографическими и экономическими условиями региона. В нем были выделены три основные группы людей, которые могли бы стать основой для новых этнополитических единиц в ТССР: узбеки, казахи и туркмены. Под узбеками подразумевалось городское и оседлое тюркское и таджикское население ТССР, т.е. те, кого в имперской переписи 1897 г. определили как сартов, узбеков и тюрков. Позднее термин «узбек» был официально принят центральным большевистским правительством в Москве в качестве этнонима для основного населения проектируемой Советской Республики Узбекистан (с. 102).

Что касается казахов, то это были в основном кипчаки – казахоязычные степные кочевники (согласно переписи 1897 г.), в том числе кочевники Семиречья и Сырдарьи.

Следует отметить, что в существовавших на тот момент Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республиках при проведении политики размежевания преследовали две цели: 1) ускорить процесс консолидации этно-лингвистически сходных групп путем предоставления ограниченного самоуправления в виде национальных областей; 2) смягчить сохраняющиеся межплеменные конфликты за землю путем демаркации административных границ.

Советским центрально-азиатским правительствам было также поручено развивать национальные культуры и языки титульных общин региона, определяемых государством, с тем чтобы воспламенить их национальное самосознание и самобытность. В целом все эти меры, координируемые Наркоматом РСФСР, должны были способствовать дальнейшему осуществлению советской политики государственного строительства в регионе. Среди коренных представителей чиновничьего аппарата были как те, кто желал проведения процесса демаркации, так и те, кто этого не желал.

Часть чиновников – выходцев из коренных народов, например, предлагали объединить Туркестанскую, Бухарскую и Хорезмскую Республики в единую федерацию, аналогичную Федерации РСФСР. Однако это предложение было отклонено. Сама идея образования национальных республик для узбеков и туркмен ставилась под сомнение рядом местных чиновников, так как, по их мнению, таких наций не было, и введение таких категорий было бы искусственным актом. В конце апреля 1924 г. Средазбюро образовало специальную комиссию, в рамках которой были назначены туркменская, узбекская и казахская подкомиссии для представления интересов своих соответствующих общин.

Инициатива Кремля по объединению узбекских населенных пунктов Центральной Азии в единую узбекскую национальную республику не была позитивно воспринята советскими узбекскими элитами в ТАССР и ХССР. Единственной узбекской политической группой, которая с самого начала полностью поддерживала проект узбекского национального государства в Кремле, было советское бухарское руководство под руководством Файзуллы Ходжаева (с. 109). Узбекский проект Кремля во многом поддерживался бу-

харцами, в основном исходившими из коммерческих интересов бухарской узбекской буржуазии, стремившейся избавиться от бедных районов и создать крупный хлопководческий регион. Таким образом, для бухарской политической и экономической элиты, возглавляемое Кремлем национально-территориальное размежевание региона Центральной Азии было связано с приобретением контроля над наиболее плодородными сельскохозяйственными районами региона. А руководство в Ташкенте и в Хиве от узбекского проекта воздерживалось так как этот проект в случае реализации потенциально мог подорвать их сложившиеся политические позиции в ТАССР и ХССР и превратить их в провинциальные элиты Узбекской ССР, подчиненные другим узбекским кланам.

Таким образом, для советских ташкентских, хивинских или бухарских узбекских элит решение о поддержке или противодействии национально-территориальному размежеванию Центральной Азии основывалось на их предположениях о вероятности усиления, сохранения или утраты своих политических позиций в создаваемой Узбекской ССР. Тем самым речь шла о борьбе за власть между различными узбекскими элитами (кланами), а не об узбекских устремлениях построить государство по национальному признаку.

Цель планируемой делимитации состояла не в создании этнически однородных политических единиц, а в обеспечении того, чтобы в каждой вновь образованной республике и области титульная национальность составляла численное большинство. Руководящим критерием для территориальной комиссии по определению проектируемых межреспубликанских границ в Центральной Азии должен был стать национальный принцип. Однако комиссия должна была также учесть и социально-экономические принципы.

Во время осуществления национальной делимитации также шло и экономическое размежевание, т.е. фабрики, заводы, сельскохозяйственные районы, животноводческие и культурно-просветительные учреждения делились между образуемыми республиками таким образом, чтобы после размежевания каждая из них обладала достаточными материальными ресурсами, необходимыми для успешного экономического и культурного развития.

Территориальная комиссия состояла из узбекского, туркменского, казахского, кара-киргизского, таджикского и каракалпак-

ского национальных бюро. Каждому из них было поручено подготовить к 12 августа 1924 г. этнотерриториальную карту с конкретными внешними границами будущей республики (области) для рассмотрения территориальной комиссией. Поскольку члены каждого национального бюро были очень заинтересованы в обеспечении максимальной территории с более высоким экономическим потенциалом для своих будущих национальных республик (областей), проекты карт, представленные ими, сильно перекрывались и усложняли процесс согласования границ. Территориальная комиссия произвольно определяла национальную принадлежность различных групп населения, что, как правило, приводило к длительным и бурным спорам между представителями национальных бюро.

Одной из наиболее сложных задач для территориальной комиссии было разграничение границ между Казахской АССР¹ и будущей Узбекской ССР. Как уже говорилось выше, между руководством Казахской и Туркестанской АССР существовал давний конфликт по поводу Семиреченской и Сырдарьинской областей. Хотя декрет Политбюро ЦК РКП (б) от 12 июня четко определил включение казахских населенных пунктов ТАССР в состав КАССР, представители казахских и узбекских национальных бюро существенно расходились во мнениях о том, где именно провести демаркационную линию между двумя республиками. Разрешение казахско-узбекского территориального спора было непосредственно связано с установлением национальностей для ряда безнациональных этносов, таких как – «курама», «тюрки» и «кипчаки», на которые претендовали как казахи, так и узбеки. Например, казахское национальное бюро стремилось утвердить «казахскость» народа «курама» на основе этимологических, антропологических и генеалогических аргументов, в то время как узбекское бюро успешно подчеркивало их «узбекскость», ссылаясь на их оседлый образ жизни, что значительно отличало их от традиционно кочевых казахов. Оседлое кочевое измерение было наиболее важным определяющим фактором национальности для будущих казахских и узбекских групп (с. 113).

¹ Казахская АССР возникла 15 июня 1925 г. путем переименования Киргизской АССР (1920–1925). – *Прим. реф.*

Еще одной областью раздора между казахскими и узбекскими бюро был Ташкент. Это был в основном узбекский город, но его сельская местность была в основном казахской. Поэтому решение о том, какой критерий должен быть приоритетным – национальный или экономический, – оставался за территориальной комиссией. Казахское бюро настаивало на том, что «отрезать» города от деревень и районов, экономически тяготеющих к ним, ради национального фактора – дело абсолютно абсурдное и невозможное. Кроме того, казахские представители пытались обосновать свои претензии на Ташкент утверждением, что КАССР нуждается в новой столице, поскольку географически удаленный Оренбург не может служить политико-экономическим и культурным центром огромной республики. Что касается аргументации узбекского национального бюро, то она была более прямолинейной: Ташкент является этнически узбекским городом и поэтому должен быть включен в состав Узбекской ССР (с. 113).

Пытаясь избежать ухудшения казахско-узбекских отношений, Средазбюро по личному указанию Сталина решило не продолжать полемику по этому вопросу и произвольно приняло решение о выделении Ташкента в состав Узбекской Республики. Позднее советские историки объясняли это решение экономическими соображениями: город Ташкент, несмотря на то что был в значительной степени окружен казахскими поселениями, экономически тяготел больше к другим узбекским населенным областям, чем к КАССР. В качестве компенсации за Ташкент, несколько городов, населенных преимущественно узбеками, включая Чимкент, были включены в состав КАССР.

Ряд советских чиновников на заседаниях территориальной комиссии всегда определяли Бухару и Самарканд в основном как таджикские города, и возражений по этому поводу у других представителей не было. Демографическая значимость этих городов на момент размежевания признавалась и более поздней советской российской историографией. Тем не менее Средазбюро приняло решение о выделении Бухары и Самарканда с их окрестностями в состав Узбекской ССР.

Превращение Казахстана (так же, как и Киргизии) в полноценную союзную республику было направлено на то, чтобы произвести впечатление на соседние государства, такие как Китай,

Иран и Афганистан, успешным решением в СССР национального вопроса в Центральной Азии.

К 1936 г. произошла окончательная компоновка политической карты советской Средней Азии. С тех самых пор и вплоть до распада Советского Союза в 1991 г. политический статус, а также внешние границы этих центральноазиатских республик в значительной степени оставались неизменными (с. 124).

Для советской власти, публично заявлявшей о своей приверженности интернационалистским принципам рабочего класса, терпимость к русскому этноцентризму в ее рядах была идеологически недопустима. К тому же это серьезно мешало им закрепиться в Центрально-Азиатском регионе. Для того чтобы обеспечить выживание революции и государства, необходимо было также добиться лояльности коренных групп (с. 148). С этой целью в 1920-х и начале 1930-х годов советское правительство приняло ряд национальных стратегий, известных под общим названием «политика коренизации». Политика коренизации была направлена на популяризацию большевистского режима среди нерусских народов посредством программ позитивных действий, которые придавали советской власти более или менее местный характер и применялись в каждой политической административной единице советского государства. Целью данной политики являлось внушение каждой этнической группе внутри СССР того, что советский режим не является для них чуждым, навязанным им силой, а наоборот, является коренным, служащим их национальным интересам наравне с интересами других, в том числе русских. Программа коренизации в советских перифериях, в том числе и в Центральной Азии, состояла из трех частей. Первая часть включала воспитание местных кадров для советского правительства путем привлечения коренных жителей в советский аппарат (административная коренизация). Вторая – предполагала распространение массовой грамотности и образования на родных языках (образование и лингвистическая коренизация). Третья часть предполагала укрепление и институционализацию титульных культур на центральных позициях в пределах их территориальных юрисдикций (культурная коренизация). В Центральной Азии все три этих измерения коренизации в значительной степени дополняли административно-территориальные преобразования советского правительства 1924–1936 гг. (с. 149).

Автор полагает, что коренизацию в Центральной Азии не следует рассматривать как некую вынужденную политическую уступку Кремлю давлению, исходящему от коренных народных масс или политических элит. Фактически ни одна из стратегий коренизации в регионе не была реализована как попытка отразить требования целевых групп населения. Например, в 1923 г. советское решение о развитии светской узбекской национальной культуры для еще не сформировавшейся узбекской нации, определяемой государством, вряд ли можно рассматривать как простое осуществление давно сложившихся или формирующихся националистических устремлений преимущественно неграмотных, консервативно-религиозных узбеков. Стоит напомнить, что всего за несколько лет до советизации Средней Азии большинство последних проявили абсолютное безразличие к квазисекулярным образовательным и культурным начинаниям, инициированным местными джадидами. Скорее, политика коренизации Центральной Азии, которая была задумана и тщательно спланирована советскими чиновниками в Москве, вытекала из идеологических и стратегических целей советского правительства в регионе. Они были неотъемлемой частью общей советской национальной политики и политики модернизации того времени, направленной на ускорение и поддержку строительства современных обществ западного типа и национальных общин из фрагментированных, традиционных полупфеодалных аграрных и кочевых общин на советском Востоке, включая Центральную Азию. Политика коренизации в Центральной Азии была оправданной и допустимой до тех пор, пока она служила цели укоренения коммунистической идеологии и принципов в соответствующих общинах.

Советские чиновники в Москве надеялись, что коренные народы Средней Азии легче примут большевистскую власть, если их местные органы власти будут в основном укомплектованы коренными жителями, знающими языки и культурные особенности своей местности (с. 150).

Для достижения этой цели в советских Казахстане и Узбекистане сотни русских административных и фабричных рабочих были уволены со своих должностей в пользу казахов и узбеков в течение 1923–1926 гг. С целью ускорения подготовки квалифицированных кадров нерусского происхождения для аппарата КП и со-

ветской администрации были введены льготные квоты для поступления в высшие учебные заведения России. Последствия административной коренизации стали заметны вскоре после ее осуществления. Например, за период 1925–1930 гг. доля казахов в составе КП Казахстана возросла с 36,5 до 43%, а представительство узбеков в КП Узбекистана возросло с 43,8 до 52,1%. В этот же период значительно возросло и представительство коренного населения в выборных народных советах во всех административно-территориальных единицах Казахской АССР и Узбекской ССР. Уже к концу 1920-х годов казахи доминировали почти во всех народных советах КазАССР, за исключением тех, что находились в городах, густо заселенных славянами.

В отличие от 1920–1930-х годов, когда большое число малообразованных и некомпетентных представителей титульных национальностей Центральной Азии были приняты на работу в советские структуры просто из-за их этнического происхождения и лояльности режиму, в посткоренизационный период их трудоустройство и продвижение по службе не являлось обязательным. Создание государственной системы массового образования в Советском Союзе в 1920–1930-е годы привело к появлению новой, образованной профессиональной прослойки среди всех советских национальностей, включая казахов и узбеков, многие из которых могли легко преуспеть в своей области без льготных квот.

В то время как все центрально-азиатские титульные национальности выиграли от политики коренизации, административная коренизация была, пожалуй, наименее успешной в относительном выражении в Казахстане. По сравнению со среднеазиатскими республиками казахи находились в наиболее неблагоприятном положении с точки зрения укомплектования основных должностей КП в своей родной республике: с 1925 по 1991 г. из 13 первых секретарей КП советского Казахстана только три были этническими казахами, в то время как, для сравнения, подавляющее большинство первых секретарей КП Узбекской ССР были узбеками. Во многом этот недостаток был обусловлен неблагоприятной демографической ситуацией титульных казахов в их республике, которые с конца 1930-х годов составляли менее половины всего населения советского Казахстана.

Краеугольным камнем кампании коренизации в Центральной Азии было стремление советского правительства искоренить массовую неграмотность среди местного коренного населения. Советские чиновники в Москве понимали, что без решения проблемы грамотности крайне маловероятно, что социалистическую модернизацию возможно осуществить в регионе. Поддержка образования на родном языке была также основополагающей для советских усилий по созданию наций в нерусских пограничных районах, поскольку язык, по мнению большевистских теоретиков, был основой, на которой фрагментированные общества должны были быть объединены в современные нации (с. 153).

До советизации региона грамотные «узбеки» долгое время использовали таджикский и чагатайский языки в качестве своих разговорных и письменных языков, основанных на арабской письменности. Однако принятие любого из них в качестве официального национального языка узбеков было проблематичным: таджикский язык не пользовался популярностью у рядовых узбеков, а чагатайский язык сильно отличался от других основных тюркских диалектов, таких как огузский и карлукский, на которых говорило большинство населения.

Современный узбекский язык был окончательно стандартизирован на основе иранизированного ташкентского диалекта, хотя и с использованием грамматики ферганского тюркского диалекта.

В конечном счете вопрос о модернизации узбекского словаря был решен путем принятия большого количества русских и русифицированных международных заимствований, многие из которых также вытеснили узбекизированные арабо-персидские слова. Например, согласно некоторым исследованиям, в период с 1923 по 1940 г. доля арабских и персидских слов в узбекской периодической литературе снизилась с 37,4 до 25%, а доля русского компонента возросла с 2 до 15%. Хотя приток русских интернациональных слов в узбекский язык оказал значительное влияние на его лексику, общее влияние русского языка на узбекский было менее далекоидущим, так как эти иностранные заимствования были полностью ассимилированы в грамматическую и синтаксическую структуру узбекского языка (с. 154).

В отличие от узбекского, развитие казахского литературного языка началось в XIX в. под покровительством русского царя. Тем

не менее казахский язык был далеко не стандартизирован на момент создания Казахской АССР в 1920 г. Советские лингвисты того периода характеризовали состояние письменного казахского языка как неспособного достичь уровня кодифицированной нормы, утверждая, что язык показал смесь литературного и разговорного казахского и татарского языков, наряду с непоследовательным использованием терминологии. В стремлении кодифицировать казахский язык, в течение 1920-х и 1930-х годов, советское правительство создало ряд лингвистических комиссий, которым было поручено разработать стандартизированный литературный казахский язык, а также подготовить учебники казахского языка. Работа этих комиссий внесла значительный вклад в общее развитие казахской письменности. Кроме того, казахский лексикон, как и узбекский, был значительно обогащен русскими заимствованиями для удовлетворения новой политической и экономической реальности.

В 1926 г. на основании рекомендаций Первого Всесоюзного Тюркологического съезда, советское правительство официально объявило о принятии единого латинского алфавита, названного новым тюркским алфавитом, для всех тюркских языков в СССР, в том числе для казахского и узбекского. Процесс перехода на латиницу начался в 1927 г. и был в значительной степени завершен к концу десятилетия. Однако советское увлечение латинизацией длилось недолго. К середине 1930-х годов советские политики и лингвисты открыто обсуждали недостатки нового тюркского алфавита, преимущества кириллицы и необходимость кириллизации советских неславянских языков в СССР. Это объясняется сдвигом в общей советской языковой политике, который ознаменовался молчаливым отказом от кампании коренизации в 1934 г. и последующей пропагандой русского языка как второго языка среди нерусских народов СССР (с. 156).

Одной из возможных причин перехода на кириллицу советских тюркских языков в 1930-е годы могли быть опасения советского правительства по поводу пантюркистской идеологии, исходящей из латинизированной Турции. По мнению сторонников этой теории, переход от латиницы к кириллице должен был ограничить доступ советских тюркских народов к новой пантюркистской литературе, напечатанной в Турции после латинизации турецкой

письменности в 1928 г. (с. 156). До 1940 г. советское правительство без особого публичного обсуждения этого вопроса перевело почти все существующие латинские алфавиты в СССР, включая казахский и узбекский на кириллицу.

В целом советские языковые стратегии 1920-х и 1930-х годы существенно способствовали возникновению казахских и узбекских национально-языковых сообществ. Созданные Советским Союзом языки казахов и узбеков стали основными каналами формирования и развития их коллективной идентичности и культуры. Впервые в истории этих народов родной язык приобрел важное этносимволическое значение: связывая этнос, культуру и территорию. Даже после 1950-х годов, когда многие коренные жители Центральной Азии, особенно городские казахи, стали лингвистически русифицированными, национальные языки региона никогда не теряли своего этносимволического измерения в своих общинах.

Начиная с 1926 г. советская система образования стала более всеобъемлющей в связи с улучшением финансирования школ и увеличением количества учителей, преподающих на родных языках, а также доступности самих учебников. В 1930 г. советское правительство ввело всеобщее, обязательное светское четырехлетнее начальное образование для обоих полов в СССР, включая Среднюю Азию (с. 158). С 1926 по 1939 г. уровень грамотности всего населения Узбекской ССР вырос с 11,6 до 78,7%, а в Казахстане – с 25,2 до 83,6%. К 1959 г., согласно официальной советской статистике, уровень грамотности как в Казахской и Узбекской ССР, как и в других советских республиках, был почти всеобщим.

В 1932 г. были созданы казахский и узбекский комитеты по науке, которым было поручено руководство научно-исследовательской деятельностью в советском Казахстане и Узбекистане соответственно. На базе этих комитетов были созданы казахский (в 1938 г.) и узбекский (в 1940 г.) филиалы Академии наук СССР, а позднее были созданы независимые Академии наук Казахстана (в 1945 г.) и Узбекистана (в 1943 г.).

Целью культурной коренизации было воспитание и пропаганда социалистических национальных культур, которые должны были быть «национальными по форме и социалистическими по содержанию» (с. 161).

Советская культурная политика того периода, по определению Ленина и Сталина, различала две формы традиционных культурных практик и обычаев: прогрессивную и феодально-религиозную (буржуазную). Первая, будучи идеологически очищенной и наполненной социалистическим содержанием, должна была быть институционализована как национальная культура соответствующих советских национальностей. В то время как последняя, особенно связанная с религией, должна была быть официально классифицирована как реакционная и отсталая, и по этой причине решительно не поощрялась, а в некоторых случаях даже запрещалась.

Считалось, что государственная поддержка нерусских национальных культур, которые должны были быть наполнены социалистическим содержанием, скорее ускорит их интеграцию в высшую, одновременно развивающуюся (доминирующую в России) всесоюзную социалистическую культуру. Иными словами, согласно ленинско-сталинскому национальному проекту, советская культурная политика должна была стимулировать не только расцвет национальных культур советских народов, но и их одновременное сближение, тем самым постепенно прокладывая путь к их окончательному слиянию.

В то время как массовые государственные культурные программы были необходимы для развития отдельных социалистических национальных культур для каждой официальной национальности в СССР, включая русских, эта задача была особенно сложной в случае коренных народов Центральной Азии. Титульные национальности региона, такие как казахи и узбеки, культуру которых Кремль намеревался развивать, сами были недавними или все еще находящимися в стадии разработки административными конструктами советских проектов национального строительства. Соответственно, на момент начала кампании коренизации в 1923 г. ни казахи, ни узбеки не обладали однородной единой культурой, связывающей и определяющей их соответствующие коллективные идентичности.

Таким образом, в условиях отсутствия единой казахской и узбекской культур дополнительной задачей для советских националистов было определить, какие «прогрессивные» культурные черты этих народов следует продвигать в качестве их исконных

национальных культур под рубрикой коренизации, с целью придания им чувства национального единства, а также создания определенных основ для построения новых социалистических культур. Кроме того, поскольку социалистическое культуростроительство само по себе предполагало формирование современных обществ западного типа, в случае Казахстана и Узбекистана его успешная реализация требовала обогащения местных культур основными формами европейской (русской) высокой культуры, такими как симфонический оркестр и современная живопись. Считалось, что это не только сближает казахов и узбеков в культурном отношении с передовыми западными советскими национальностями, особенно с русскими, но и отдаляет их от соседних с ними несоветских мусульманских обществ. В целом это означало необходимость более глубокой перестройки фундаментальных культурных основ этих двух национальностей, определяемых государством, что требовало значительных политических, экономических и интеллектуальных усилий со стороны советских политиков.

Процесс определения единой казахской и узбекской культур включал в себя такие меры, как: 1) произвольный отбор фольклорных элементов, материальных объектов, символов, письменных и устных нарративов и мифов из традиционных культур целевых сообществ, а также из культур дореволюционных (т.е. дошейбанидских узбекских и казахских) среднеазиатских народов; 2) разработка, формализация и пропаганда таких государственных культурных элементов, как официальные, исторически укоренившиеся национальные культуры казахов и узбеков, с помощью таких средств, как государственная литература, музейные экспонаты и историческая литература. По мнению автора, цель состояла в том, чтобы установить общепринятое мнение в рамках определенных государством казахских и узбекских национальных общин о том, что они не являются недавними искусственными конструктами советских националистов, а скорее исторически сложившимися политико-культурными образованиями с давними едиными культурными наследиями, отличными и уникальными от других. Считалось, что это способствует воспитанию чувства общности происхождения и коллективной принадлежности у членов каждой из этих национальностей соответственно, и тем самым стимулирует

формирование их национальной идентичности, лояльности и сознания.

Советская культурная политика воспитания традиционных культур казахов и узбеков имела важную национально-созидательную функцию культивирования у каждой из этих созданных государством национальностей чувства обладания общим, исторически укоренившимся и территориально ограниченным уникальным культурным наследием, которое должно было способствовать их консолидации в гомогенизированные национальные сообщества. Кроме того, указанная политика служила также политической цели создания образа большевистского режима как защитника культур меньшинств, что, как считалось, должно было помочь им завоевать симпатии коренных народов советского Казахстана и Узбекистана. Культурная коренизация в Центральной Азии означала не только государственную поддержку дореволюционных прогрессивных культурных элементов коренного населения, но и создание и развитие новых форм национальных высоких культур в регионе.

Автор полагает, что в ходе коренизации и впоследствии советы успешно имплантировали большое разнообразие форм западной (русской) высокой культуры в формирующиеся новые казахские и узбекские культурные ландшафты, многие из которых со временем постепенно стали основными средствами и способами их национально-культурного производства и выражения. Важной особенностью этой политики было то, что импортированные культурные формы, особенно их темы и постановки, не были оторваны от местных социокультурных условий. Напротив, они были индигенизированы таким образом, чтобы конкретно отражать историю, природные ландшафты, культурные традиции и опыт национальностей, которым они служили. Иными словами, введенные Советским Союзом новые культурные формы в Казахстане и Узбекистане, а также в других республиках Центральной Азии выполняли функцию конструирования, развития и сохранения уникальных и самобытных культурных идентичностей для каждой титульной национальности региона (с. 172).

Секрет успеха кампании коренизации в Казахстане и Узбекистане, по мнению автора, заключался в прогрессивной советской политике «кнута и пряника», направленной на развитие литера-

турных языков, высоких культур, массового образования и расширения возможностей трудоустройства коренных малочисленных народов, а также на принудительную секуляризацию, оседание и урбанизацию. Без последнего было бы практически невозможно эффективно осуществлять какую-либо политику коренизации на местах. Например, в консервативном мусульманском узбекском обществе, где женщины традиционно были скрыты и изолированы, каким бы благим ни было намерение советского правительства ввести обязательное школьное образование для местных женщин, их реализация была бы невозможна без принудительного навязывания государством секуляризма и западного стиля модерн (с. 179).

В отличие от ортодоксального христианства, ислам, несмотря на то что азиатские части царской России были преимущественно населены мусульманскими народами, практически не имел места в дореволюционном большевистском дискурсе. Это объяснялось двумя основными причинами: 1) в отличие от Русской православной церкви исламские институты не представляли для большевиков никакого барьера в их борьбе за свержение царского режима, и по этой причине ислам представлял для них меньший непосредственный интерес; 2) большевистская партия практически не имела общественно-политической базы среди мусульманских общин России, и поэтому ее лидеры проявляли мало интереса к разработке вопросов, касающихся конкретно мусульманских подданных империи, включая вопрос об их вере. Тем не менее, в целом, большевики были столь же недвусмысленны в своем подходе к исламской религии, как и к православию. В рамках марксистско-ленинской теории ислам рассматривался как реакционная сила, ответственная за угнетение мусульманских трудящихся масс, и с ним следовало бороться так же, как и с Русской православной церковью (с. 180).

Нагниск на ислам в Центральной Азии продолжался с большей интенсивностью в 1930-е годы, достигнув своего пика во время сталинских чисток 1937–1938 гг., когда, помимо реакционных улемов, тысячи местных коммунистов были уволены, заключены в тюрьмы или казнены за то, что они якобы имели панисламские наклонности и намеренно препятствовали осуществлению советской политики в соответствующих республиках. В Казахстане и Узбекистане, например, репрессивный аппарат режима был осо-

бенно нацелен на тех местных членов КП и государственных чиновников, которые ранее были связаны с партией «Алаш Орда» и различными группировками джадидов в регионе. Эти бывшие советские кадры из Алаш-Орды и джадидов, чья поддержка была столь важна в начале 1920-х годов для распространения нового большевистского режима в Центральной Азии, теперь считались контрреволюционными элементами и подвергались жестоким преследованиям. Следовательно, в результате этого государственного террора к 1938 г. больше половины руководства коммунистической партии всех уровней было заменено новым классом больше надежных местных кадров, полностью преданных советской власти в Москве.

Однако начало Второй мировой войны вынудило Кремль смягчить свою насильственную политику в отношении религии, в том числе ислама. В частности, стремясь заручиться поддержкой советских мусульман и мобилизовать их на предстоящую войну с нацистской Германией, правительство Сталина решило пойти на некоторые ограниченные уступки их религиозным чувствам. Например, в начале 1940-х годов советские власти вновь открыли ряд мечетей в мусульманских частях СССР, включая Казахстан и Узбекистан, и приостановили открытое преследование улемов. Соблюдение мусульманских обрядов, если и не поощрялось, больше не было объектом государственных репрессий. Начиная с 1944 г., небольшое число советских мусульманских сановников также получили разрешение участвовать в ежегодном паломничестве в Мекку.

С другой стороны, чтобы сохранить организованный контроль над исламскими практиками, советы реорганизовали всю институциональную структуру мусульманских общин в государстве. В 1943–1944 гг. Кремль учредил четыре мусульманских духовных Совета (Муфтията), каждый из которых отвечал за управление исламскими делами в определенной географической зоне СССР. Одним из таких муфтиятов было Ташкентское Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана, известное под аббревиатурой САДУМ. Первым муфтием САДУМа был Эшон Бабаханов, член старинной и почтенной религиозной семьи из Узбекистана, который был одним из тех улемов, которые после Октябрьской революции решили приспособиться к новому совет-

скому режиму, а не бросать ему вызов. За свою лояльность советскому режиму Эшон Бабаханов был должным образом вознагражден властями. Например, в 1945 г. Эшону было разрешено возобновить функционирование арабского медресе «Мир-и-Араб» в Бухаре для подготовки ограниченного числа мусульманского духовенства к служению в зарегистрированных государством мечетях в Центральной Азии и других странах Союза. В обмен на эти уступки одобренное государством мусульманское духовенство было обязано оказывать безусловную и неограниченную поддержку политике режима как внутри страны, так и на международном уровне, что они фактически делали довольно охотно и эффективно вплоть до самой гибели Советского Союза (с. 183).

С началом холодной войны в конце 1940-х годов советский режим также стремился использовать официального улема в своих дипломатических усилиях по установлению лучших политических связей с мусульманскими странами третьего мира. Например, представители высокопоставленного советского мусульманского духовенства часто направлялись в различные мусульманские государства со специальными пропагандистскими миссиями для формирования благоприятного образа советского правительства в отношении к исламу и мусульманам у себя дома. С этой же целью советские улемы, в частности муфтий САДУМа, систематически проводили различные финансируемые государством международные исламские конференции (чаще всего) в Узбекистане. Центральная Азия, где проживали большинство советских мусульман и где располагались важнейшие исламские религиозные архитектурные памятники, использовалась в качестве витрины успешного социалистического развития для посещения иностранных мусульманских делегаций, туристов и студентов (с. 183).

Чтобы разрушить институциональные основы ислама и вызвать коренные изменения в социальных структурах и системах ценностей крайне патриархальных коренных общин, в которых религиозные нравы, определенные и поощряемые улемами, занимали центральное место, необходимо было проведение эмансипации женщин, которых большевики считали главными жертвами мусульманской ортодоксии (с. 188). Политика советского правительства, направленная на изменение статуса женщин в Средней Азии в 1920–1930-е годы называлась «худжум».

Советские власти считали, что отсталые народы Центральной Азии не смогут догнать передовые народы Советского Союза, без вовлечения масс эмансипированных женщин в процесс культурного развития и экономического роста. Добиться подлинной социалистической модернизации региона без эмансипации женщин было бы практически невозможно. Точно так же советы не смогли бы успешно осуществить ни один проект государственного строительства в Центральной Азии, в том числе казахский и узбекский, если бы они исключили коренных женщин из прогнозируемых социально-культурных и политико-экономических преобразований (с. 189).

Параллельно советские власти также активно стремились поощрять мусульманских женщин к поступлению в государственные школы, получению профессионального и высшего образования, а также к занятию наемным трудом вне дома по всем профессиям. В каждой советской среднеазиатской республике в рамках административной коренизации были введены фиксированные минимальные квоты для коренных женщин в государственных и общественных структурах. В рамках этих позитивных действий в 1929 г., например, узбечка Джахан Абидова была назначена на должность заместителя секретаря узбекского ЦИКа, а казашка Нагима Арыкова была назначена председателем Верховного суда Республики Казахстан (с. 190).

Во время большевистского завоевания бывшей царской Средней Азии в 1920 г. этот регион был одним из наименее индустриальных районов зарождающегося советского государства, где практически не было коренного пролетариата. Аграрный и скотоводческий секторы по-прежнему в значительной степени доминировали в экономике местных обществ, а уровень урбанизации коренного населения был довольно низким, не говоря уже о том, что большинство городов Центральной Азии вряд ли были городами в современном понимании. По оценкам переписи 1926 г., только 2,1 казахов и 18,3% узбеков, проживающих в своих родных республиках, были городскими жителями (с. 200).

В 1925 г. советский режим начал осуществлять свою первую крупную сельскохозяйственную реформу в Казахстане и Узбекистане, которая была направлена на экспроприацию земель, скота и воды, принадлежащих традиционным элитам, и выделение их бед-

нейшим мусульманским крестьянам. Эта реформа преследовала две цели: 1) укрепить легитимность режима в сельской местности, особенно среди бедноты; 2) стимулировать классовую борьбу среди сельского населения (с. 201). Однако эта относительно умеренная советская аграрная политика была приостановлена в декабре 1927 г. решением XV Съезда КПСС о переходе к более активной фазе строительства социализма в СССР путем ликвидации частной собственности на все средства производства и передачи их под государственный контроль. В сельскохозяйственном секторе это означало массовый захват частных сельскохозяйственных угодий, пастбищ, орудий производства, скота и объединение их в государственные колхозы, в которых соответствующие сельские жители должны были работать в качестве наемных работников. Для казахов и других кочевых племен региона это также означало отказ от традиционного образа жизни и расселение в специально созданных государством новых сельских колхозах.

Аграрный сектор Казахстана и Узбекистана начал демонстрировать положительные тенденции только в послевоенный период, во многом за счет увеличения государственных инвестиций в ирригационные системы, колхозную инфраструктуру, механизацию техники. Обе республики также получали ежегодные субсидии от Кремля. Всем советским сельским жителям было предоставлено право иметь небольшой огородный участок земли, пристроенный к его жилищу, для ведения натурального хозяйства, а также несколько голов скота и птицы для личного пользования. Это позволяло казахским и узбекским сельским жителям продавать свою продукцию на местных колхозных рынках, что давало им дополнительный доход. В целом уровень жизни большинства советских казахов и узбеков в сельской местности значительно улучшился, по крайней мере начиная с 1950-х годов (с. 203).

Хотя традиционные клановые и племенные региональные идентичности казахов и узбеков не исчезли полностью в результате проведения вышеуказанной политики, они, наряду с религией, постепенно трансформировались из первичных маркеров идентичности и лояльности в молчаливые, символические коллективные знаменатели в рамках всеохватывающих территориально определенных национальных идентичностей. Например, среди более поздних поколений советских казахов каждый знал родовое либо

племенное происхождение своей семьи, но эти родовые идентичности не имели никакого отношения к их повседневной жизни (с. 205).

Автор отмечает, что без принуждения степных кочевников к переходу на оседлый образ жизни реализовать проект казахского национального строительства было бы практически невозможно. Например, не имело бы смысла создавать национальные школы, университеты, театры, музеи и библиотеки для казахского народа, если бы большинство из них оставались кочевниками, мигрирующими на сезонной основе из одного места в другое. Оседлость кочевых казахов была необходимой предпосылкой их превращения в современную нацию.

Советская система, в отличие от царизма, не дискриминировала казахов и узбеков, будь то в экономическом или политическом плане, в пользу русского или славянского населения, что способствовало адаптации титульных казахов и узбеков к советскому политическому и социально-экономическому порядку (с. 208). В советское время и Казахстан, и Узбекистан пережили несколько волн масштабной государственно организованной миграции и переселения русских и других народов, что существенно изменило этно-демографическую мозаику этих республик. Это также оказало непосредственное влияние на степень изменений в языковых и социокультурных практиках титульного казахского и узбекского населения, а следовательно, и на процессы их национального становления и развития.

Приток большого количества славянских народов в Казахстан укрепил их присутствие в республике, особенно в ее северных областях. По данным советской переписи 1959 г., из общего населения Казахстана, насчитывающего 9 309 847 человек, русские составляли 3 974 229 человек (42,7%), украинцы – 762 131 человек (8,2), белорусы – 107 463 человека (1,2) и поляки – 53 102 человека (0,6%). В сочетании с преимущественно русифицированными немцами (659 751, или 7,1%) и русскоязычными евреями (28,048, или 0,3%) представители европейского (славянского) населения составляли около 60% от общей численности населения Казахстана. В то же время, хотя число казахов в Казахстане возросло с 2 327 625 в 1939 до 2 794 966 в 1959 г., их пропорциональная доля сократилась с 37,8 до 30,2% (с. 209).

В советском Узбекистане приток различных славянских и неславянских народов в период с 1937 по 1945 г. также оказал значительное влияние на общую демографическую структуру населения. Однако этот демографический сдвиг не привел к существенному ослаблению статуса большинства титульных узбеков в их родной республике, главным образом из-за высокого уровня рождаемости среди последних. Например, согласно переписи 1959 г., узбеки составляли 62,2% (5 038 273) от всего населения Узбекистана (8 105 704), в то время как русские составляли самую большую группу нацменьшинств – около 13,5% (1 090 728).

В советское время, за исключением кампании по освоению целинных земель, миграция славян в советский Казахстан и Узбекистан носила преимущественно урбанистический характер, что привело к значительной концентрации русского и других европейских народов в крупных городах обеих республик. В Казахстане русские оставались доминирующей группой в городах на протяжении всего советского периода. Нерусские общины этих республик активно поощрялись государством к овладению русским языком, особенно с конца 1930-х годов, когда он стал обязательным предметом во всех нерусскоязычных школах. В Казахстане и в Узбекистане именно русский, а не титульный казахский и узбекский языки, соответственно, с начала советской индустриализации и урбанизации в 1930-е годы стал лингва-франка для межнационального общения (с. 212).

Важным следствием советской демографической политики в Казахстане и Узбекистане, оказавшим существенное влияние на формирование и развитие казахского и узбекского народов, стало сильное проникновение в эти республики русской (западной) культуры. Поскольку целью советских проектов казахского и узбекского национального строительства с самого начала было создание наций западного типа, мобилизация для этой цели многочисленных ресурсов и средств, таких как образование, культура и средства массовой информации, и массовый приток славянского населения в Казахстан и Узбекистан облегчили достижение этой цели. Прямое и более активное взаимодействие казахских и узбекских жителей со славянами и европейцами, живущими и работающими среди них в районах с преобладающим русским населе-

нием в Казахстане и Узбекистане, привело к их большей подверженности русскому культурному влиянию.

Потребность в написании национальных историй для определяемых Советским Союзом казахских и узбекских, а также других центрально-азиатских народов возникла вскоре после демаркации ареала проживания данных этносов на национальные республики в середине 1920-х годов. Целью данной политики было создание официальных исторических нарративов, изображающих эти нации как исконные образования, населяющие территории своих республик с незапамятных времен, несмотря на то что полностью реализовать свои национальные стремления к самоопределению им удалось только с приходом советской власти. Такие истории были призваны обеспечить историческое обоснование и легитимность деятельности Кремля по созданию государства и установлению границ в регионе. Кроме того, официальные национальные истории должны были привить чувства национальной самобытности и гордости каждой из этих национальных общин.

Хотя искажение исторической хронологии, событий и фигур было обычной практикой в советской историографии, существовал ряд фактических и методологических трудностей в создании убедительных и идеологически приемлемых национальных (дореволюционных) историй для казахского и узбекского народов. Как полагает автор, поскольку до советского периода никогда не существовало таких этнически или территориально определенных политических образований, как Казахстан и Узбекистан, так же как никогда не было казахских и узбекских народов, было довольно сложно создать этнополитические истории для определенных Советским Союзом коренных народов этих республик. Например, несмотря на то что различные узбекские династии правили различными частями исторического Мавераннахра (Бухара, Хива и Коканд) начиная с XVI в., ни одно из этих политических образований не могло быть названо узбекским государством в этническом плане. Бухарский эмират, например, был не только таджикским, но и узбекским. Более сложной задачей было доказать автохтонность узбеков и казахов на их собственной родине (с. 218). Вопрос об установлении автохтонных статусов казахского и узбекского народов решался самым простым способом. Советские историки без особых научных усилий идентифицировали древнейших коренных

жителей территорий Казахстана и Узбекистана как прямых предков советских казахов и узбеков соответственно.

В 1960-е и 1970-е годы возрос интерес к историческому прошлому Центральной Азии, появилось большое количество томов по национальной истории Казахстана и Узбекистана, большинство из которых были написаны отечественными учеными. В этот период некоторые отечественные историки начали подчеркивать важный вклад, который внесла Центральная Азия (до прихода царизма) в мировую цивилизацию, факт, который был преуменьшен в публикациях предыдущих десятилетий.

В середине 1980-х годов подъем этнонационалистических движений в Советском Союзе вызвал новую волну исторического ревизионизма в Центральной Азии. В каждой республике появилось множество новых псевдонаучных исследований, прослеживающих историю этнонационального становления соответствующей титульной национальности как можно дальше во времени. Кроме того, с обострением межэтнических отношений как внутри союзных республик, так и между ними официальная национальная история часто становилась инструментом национализации титульных элит для поддержки их притязаний на законные и исключительные наследственные права собственности титульных наций на территории соответствующих национальных республик. Попытки использовать историю для несоветской национальной повестки дня в союзных республиках встретили резкую критику со стороны Академии наук СССР. Однако ее «академический авторитет» в высших учебных заведениях и научных учреждениях союзных республик уже шел на убыль, и производство пересмотренных этноцентрических историй титульных народов Центральной Азии, ориентированных на националистические цели продолжалось с тем же рвением (с. 224).

СССР, как и любое другое государство, требовал определенной степени культурного единства среди составляющих его национальностей, чтобы существовать как современное государство. Поэтому создание и продвижение единой всесоюзной культуры следует рассматривать как средство, позволяющее различным советским народам разных цивилизаций иметь культурное взаимопонимание и взаимообмен, не обязательно теряя свои националь-

ные особенности – по крайней мере теоретически, вплоть до финальной (утопической) стадии коммунизма (с. 232).

Этнонациональная принадлежность имела гораздо более практическое измерение для нерусского населения, чем всеобъемлющая советская идентичность. Кроме того, советская поликультурная политика, этнофедеральная система и институционализированные нации и национальные идентичности были созданы таким образом, чтобы стимулировать людей определять и дифференцировать себя по этнонациональным признакам. Кремль активно стремился продать свою центрально-азиатскую «историю успеха» во многих частях мусульманского мира. Эти внешнеполитические соображения вынудили постсталинских советских лидеров не форсировать слияние, поскольку это нанесло бы ущерб пропагандистскому имиджу советского режима среди его существующих или потенциальных союзников в третьем мире (с. 235).

В период Л. И. Брежнева произошли коренные изменения в отношениях центра и периферии в Советском Союзе. Брежнев дал значительные автономии союзно-республиканским правительствам, возглавляемым его сторонниками, такими как Динмухамед Кунаев (1964–1986) в Казахстане и Шараф Рашидов (1959–1983) в Узбекистане. До тех пор, пока эти республиканские первые секретари следовали центральной линии партии, подавляли диссидентов и выполняли поставленные перед ними экономические планы, они пользовались значительной автономией в управлении внутренними делами своих республик. Такой порядок позволил Кунаеву и Рашидову создать свои собственные покровительственные сети в Казахстане и Узбекистане, которые доминировали в соответствующих республиканских номенклатурах и были в основном набраны из коренных граждан. Автор полагает, что индигенизация кадров в Центральной Азии эпохи Брежнева не должна рассматриваться как признак деколонизационного национализма, поскольку местные элиты продвигали своих собратьев-этнонационалистов не из-за национальной солидарности, а из-за территориальных, клановых и родственных связей.

При последнем советском лидере М. С. Горбачёве централистская политика в Центральной Азии дала обратный эффект. Пытаясь разрушить брежневскую систему «центр – периферия», Горбачёв настроил против себя многих представителей местной

номенклатуры, которые чувствовали, что теряют свои привилегии и влияние. Что касается местной интеллигенции и рядового титульного населения региона, то приток русских кадров в данные республики приравнивался ими к русификации и окончанию неформальной коренизации, разжигая их недовольство (с. 238).

К концу 1980-х годов Горбачёв был вынужден отступить и искать согласия со старыми республиканскими элитами. Он дал согласие республиканским Верховным Советам ввести титульные языки своих республик в качестве государственных языков. Следует также отметить, что традиционные упоминания о сближении советских национальностей практически отсутствовали в официальном советском дискурсе в поздние горбачёвские годы. Скорее, партийная риторика в этот период была ориентирована главным образом на экономическое и идеологическое единство советских народов (там же).

1 января 1992 г. казахский и узбекский народы, выкованные советскими национал-строителями 1920-х и 1930-х годов с намерением в конечном итоге слиться с другими национальностями СССР, по воле истории получили свободу решать судьбы своих национальных республик (с. 239).

К.А. Кудаяров